

УДК 347.6(470.57)

Гниятуллина Гашура Гиниятулловна

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА БАССР: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА В 1917-1937 гг.

В статье рассматриваются особенности становления законодательной базы советской семейной политики в 1917-1937 гг. в Башкирской АССР. Анализируются содержание и применение правовых актов государства в отношении семьи. Автором была предпринята попытка показать, как менялась законодательная деятельность государства в области семьи и брака в течении двадцати лет, на примере конкретного региона.

Ключевые слова: Башкирская АССР, семья, брак, многоженство, калым, умыкание, декрет, загс, кодекс, постановление.

Gniyatullina Gashura G.

LEGAL FRAMEWORK FOR FAMILY POLICY BASHKIR ASSR IN 1917-1937-th

The article examines the peculiarities of the legal framework of the Soviet family policy in 1917-1937 gg. in the Bashkir ASSR. Analyzes the content and application of legal acts of the state. The author has attempted to show how the legislative activity of the state in the field of marriage and family for twenty years.

Key words: Bashkir ASSR, family, marriage, polygamy, bride-price, kidnapping, decree, registry office, Code, Resolution.

Победа октябрьской революции в 1917 г., приведшая к власти большевистскую партию, вызвала в советском государстве большие социально-политические и экономические изменения. Перемены коснулись и брачно-семейного законодательства. Мы рассмотрим становление законодательной базы семейной политики на примере Башкирской АССР.

Особенностью автономной республики являлось наличие национальных, культурных и религиозных традиций, которые оказывали немаловажное влияние на быт и брачное поведение граждан республики. «Родовые пережитки прошлого» в виде многоженства, калыма, умыкания невест, женитьбы на несовершеннолетних и т. д. являлись тормозящим фактором в деле раскрепощения женщин, особенно мусульманок. Поэтому семейная политика в БАССР была направлена прежде всего на искоренение этих пережитков.

Основными формами законодательных актов семейной политики стали декреты и постановления государственно-партийных органов. Первые декреты ВЦИК И СНК «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» от 18 декабря и от 16 декабря 1917 г. «Распоряжение брака» [1, с. 337, 247] затронули только некоторые аспекты семейных отношений. Принятый в сентябре 1918 г. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [2, с. 314] урегулировал эти отношения практически полностью.

До революции функции «регистраторов» брака, смерти и пр. выполняло духовенство, которое получало за это вознаграждение от населения. Теперь же все эти функции государство брало на себя, учредив для этого ведомственную структуру – отделы записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Несмотря на все неблагоприятные условия, в которых создавались отделы ЗАГС, в начале 1920-х гг. их по Уфимской губернии насчитывалось около 215, а в далеких от центра губернии-города Уфы, районах они еще долго не функционировали, если даже и создавались. На территории Башреспублики были учреждены Центральный ЗАГС при административном отделе БНКВД, кантонные органы при административных отделах кантисполкомов, волостные органы при волостных исполнительных комитетах и сельские органы при сельских советах [8, с. 39]. В это период перед государственными органами возник вопрос о дате признания официальности и законности метрических актовых записей и церковных определений о растор-

женин брака. Центрозагс 14 октября 1919 г. разослал по ведомству циркуляр о законной силе всех свидетельств, выданных религиозными или соответствующими им организациями не позднее 31 декабря 1917 г., а также метрические документы (с той же ограниченной датой выдачи) о религиозных браках, совершенных не позднее 20 декабря 1917 г. [33].

В 1920-х годах шла бурная дискуссия о роли семьи и регистрации брака в коммунистическом обществе. Судя по взглядам того времени, в будущем семья как институт должна была исчезнуть, а вместо нее предлагалось «парное сожителство мужчины и женщины до момента исчезновения симпатии» [19]. В обществе ходили различные слухи о «свободной любви» и «общности жен» [13, с. 115]. Либеральные идеи, исходившие из центральных городов советской страны, оказались актуальными и в регионах. Проводниками этих идей в массы стали работники женотделов, которые в целях раскрепощения женщины от семейных уз и быта вели специальную пропаганду. Им вторили юристы, которые утверждали, что регистрация брака – это пережиток времени [9]. Но смысл регистрации брака в ЗАГСе объясняли тем, что при разделе имущества легче распределять имеющееся какое-либо имущество у супругов [27]. В условиях Башкирии партийными органами уделялось большое внимание работе среди женщин. Это было связано с тем, что женщины были неграмотны и сильно подвержены религиозному влиянию [7]. Велась мощная, но в то же время очень деликатная антирелигиозная агитация, чтобы население постепенно отвыкало от религии и соблюдения религиозных обрядов в быту, чтобы «деревня не пошла за попом...» [31]. Шла ломка патриархального крестьянского менталитета. Главный упор был направлен на раскрепощение «националок» (имеются в виду башкирки и татарки - в советской башкирской историографии – Г.Г.).

Одним из местных особенностей Башкирской АССР, было наличие неизжитых родовых пережитков, характерных дореволюционному быту. Особыми циркулярами правительства они были запрещены на основании ст.ст. 68 и 79 брачного права РСФСР еще в 1918 г., и в 1922 г. ст. 4 Гражданского Кодекса [11, с. 81–82]. К ним относится многоженство, характерное для мусульманского населения Башкирии, хотя по республике встречалось и среди русского населения. Оно сохранялось и после революции 1917 г. вплоть до 1940–1950-х годов. Отсюда борьба с многоженством являлась одной из первоочередных задач партийно-советских органов БАССР. Другим бытовым явлением, также противоречившим основам советского брачного права, была дача калыма, или выкуп невесты за имущественную ценность (скотом и пр. имуществом). Предлагавшиеся родителями невесты условия о калыме зачастую были для жениха непосильными, вследствие чего калым являлся препятствием к вступлению в брак молодых людей, особенно когда жених был из бедной семьи [30]. Женитьба на несовершеннолетних и умыкание (кража) невест также были частым явлением того времени. Второй сессией ВЦИК С1 созыва в 1924 г. был принят закон о наказуемости двоеженства и многоженства для некоторых национальных республик, в том числе и для Башкирской АССР. Закон этот вошел в качестве 232 ст. УК в IС главу о бытовых преступлениях для АБССР. Декрет ВЦИК по Башреспублике был введен фактически в жизнь с 16 ноября 1924 г. И вот с этого времени органы суда и следствия вели судебную борьбу с преступлениями являющимися пережитками родового быта [26].

1 января 1927 г. вступил новый Кодекс о браке, семье и опеке. К переработке кодекса 1918 г. побудил ряд условий экономического и бытового характера. За 9 лет существования советской власти семейный быт стал претерпевать изменения – старый Кодекс не мог уже регулировать отношения, понадобились новые регулирующие нормы. Особенностью кодекса явилось то, что фактический брак был уравнен с юридическим, внебрачные дети получили такие же права, что и дети, рожденные в браке. Разработка кодекса началась еще в 1923 г. Первоначальный проект не был принят и в 1925 г. его вынесли на всенародное обсуждение. При обсуждении проекта Кодекса и его доработки вносились предложения из разных регионов советской страны. Это позволило учесть в нем местные специфические особенности брачно-семейной сферы [8, с. 40].

Обсуждение проекта Кодекса по республике вызвало большой резонанс. Заметную роль в обсуждении проекта среди населения выполнили женотделы, которые вели активную деятельность в популяризации Кодекса. В связи с наболевшей проблемой многоженства, калыма и т. п. добавления касались запрещения и наложения ответственности лицам, совершившим эти

виды преступлений [10]. Много вопросов возникало в ходе обсуждения проекта кодекса по поводу брачного возраста. Кодекс устанавливал брачный возраст для обоого пола – 18 лет. Работники женотдела приходили к выводу, что новый Кодекс для Башкирии не подходит, так как девушек-башкирок чаще всего отдавали замуж в 15–16 лет, а в 18 лет она считалась уже старой, поэтому они опасались, что в деревнях не будут ждать до 18 лет и будут венчаться у мулл [36], как и происходило в действительности.

Башнаркомюстом были рассмотрены все предложения и внесены коррективы. Вместе с тем БашЦИК постановил внести в Кодекс пункт о необходимости предоставления при регистрации брака удостоверений о здоровье брачующихся [11, с. 98]. Присланный проект постановления ВЦИК и СНК от 28 декабря 1926 г. был БашСНК принят, с некоторыми общими замечаниями, за исключением о дополнении 66 ст. Земельного кодекса, из которого вытекало, что в случае осуждения мужчины (одного из членов двора) за двоеженство или многоженство или за вступление в брак с лицом не достигшим половой зрелости, жены имели право на выдел имущества из двора мужа. Ввиду того, что женщина по своей воле шла второй, третьей женой, то закон в этом случае мог стать стимулирующим фактором в развитии многоженства. Поэтому, опасаясь увеличения многоженских браков, дополнение к статье 66 Земельного кодекса не было принято [32].

Многоженство, в частности двоеженство встречалось не только у представителей тюркских народов республики, но и у русских, мордвы, латышей и др. Поэтому надлежало бороться и с этим явлением среди населения. Башнаркомюст постановил, что караться за многоженство в АБССР должны будут не только башкиры, но и все без различия национальности. И в то же время закон распространялся только на браки, заключенные после его издания, не затрагивая прежде возникших и сложившихся отношений [24]. Несмотря на циркуляры Башнаркомюста, о недопустимости многоженства и насильственных способов заключения браков, данные отчетов и рапортов Наркомата юстиции показывают, что среди населения также продолжалось заключения вторых браков при сохранении первого, обычай умыкания и калыма [36]. Материальная необеспеченность вынуждала женщин заявлять на собраниях, чтобы правительство за двоеженство мужей их не преследовало. В одной из волостей республики насчитывалось 500 вдовствующих женщин. Многие из них испытывали большие трудности и выход – идти во вторые жены для них был неизбежен [12].

Новый закон, карающий за многоженство, на местах еще плохо выполнялся. Решения судов игнорировались таким образом, что во всех случаях мужья после суда продолжали сожительство со своими двумя, тремя женами [3]. Некоторые мужчины признавались, что если он одну из жен выгонит, то ее некуда просто отправить [2]. В 1926–1927 гг. поступило всех дел по бытовым преступлениям в Народные суды: в 1926 г. – 8854 дел, в 1927 г. – 18973 дела, таким образом, шло увеличение дел по многоженству, следовательно, старый быт крепко держался еще [33].

Башглавсуд в 1930 г. поставил вопрос перед Наркомюстом РСФСР об усилении меры социальной защиты по отдельным статьям из главных бытовых преступлений, указав, что статьи, карающие за бытовые преступления в условиях национальной республики отличаются мягкостью и не могут являться мерой предупредительной [4].

Однако законодательство 1926 г в области семьи и брака было преждевременным для отсталой страны. Свобода, данная женщине, существовала всего лишь на бумаге, ее никто не освобождал от семейных обязанностей. В 1925 г. в отдаленной волости Тамьян-Катайского кантона на собрании одна крестьянка выступила со словами: «Я согласна и верю тому, что советская власть нас освободила и предоставила право, но не верю тому, чтобы этими правами пользовались все женщины, так как я знаю, что это право у многих женщин находится в руках их мужей» [34]. Экономическая зависимость от мужчины и традиционный взгляд на роль матери и жены делали женщину жертвой новых законов. Особенно мусульманская женщина до сих пор оставалась под гнетом религиозных канонов и национальных традиций.

Для популяризации поправок к Уголовному кодексу и актам гражданского состояния, уже утвержденных на второй сессии ВЦИК XI созыва, и в целях их популяризации среди населения была развернута сеть бюро юридической помощи. Они создавались при женотделах и при органах Наркомюста на местах. Бюро юридической помощи был придан характер не только кон-

сультаций, принимающих заявления, жалобы и дающих ответы, но и опорного пункта пропаганды идей нового быта, борьбы с пережитками патриархально-родового строя, религиозных традиций и обычного права. С этой же целью ставились театральные инсценировки для населения в виде показательных судов. В деле регулирования вопросов проведения судебных дел и жалоб, связанных с семейно-брачными и бытовыми отношениями, привлекали к этой работе в качестве нарзаседателей, правозаступниц и прокуроров в нарсуды, бюро юридической помощи и ЗАГСы женщин, в их числе из коренного населения, также знающих быт и местные условия нерусских народов [23]. По своему характеру дела были алиментные - 52%, затем дела о телесных повреждениях и насилиях над личностью - 11,4%. При этом нужно отметить, что в действительности количество подобных дел было значительно больше, так как истицы по алиментным делам являлись и потерпевшими по вышеуказанной статье. Под страхом неполучения алиментов они отказывались от возбуждения уголовных дел [25].

В волостях юридическая помощь была сосредоточена при справочных столах избчитален, где принимали участие и работники суда. Помощь выражалась в даче советов, написании заявлений и т.д. Большинство обращений касалось алиментов на детей и жену, исков о расторжении браков, разделе имущества [30]. В начале обращения были со стороны женщин русской национальности, а башкирок, татарок и женщин других национальностей было меньше [20]. В женотделы ежедневно приходили десятками брошенные мужьями женщины, прося защиты и помощи [22]. Статистика разводов была высокая. Как писали работники женотдела, «разводов уйма. Слово перебесились... разводятся даже прожившие всю жизнь (лет по 20), все суды переполнены делами о разводах, дележа имущества и алиментах на ребенка. В деревне целый кадр «брошенных» [21]. В воспоминаниях юриста Е. А. Княжинской, работавшей в те годы в бюро, были случаи, когда мужчины приходили за разрешением иметь вторую жену и т.д. [13, с. 99]. Инициатива разводов в подавляющем большинстве была со стороны женщин. Прошедший в 1935 г. I Всебашкирский съезд женской молодежи постановил повести «самую решительную борьбу с многоженством, каждый подобный поступок клеймить позором, подвергать решительному осуждению среди комсомольцев и беспартийной молодежи, позорящий звание советского гражданина...» Перед правительством Союза был поставлен вопрос о дополнении законодательства суровыми мерами наказания за частые разводы как скрытую форму многоженства [17]. Агитационно-пропагандистская работа в области популяризации семейного права и регистрации брака в отделах ЗАГС постепенно давала свои результаты. Население понемногу свыкалось с произошедшими изменениями в области брачно-семейных отношений. Однако, несмотря на существование ЗАГС, в основном в сельской местности, оно продолжало обращаться к духовенству [29].

Несмотря на идеологические настроения и принятые либеральные законы в области семьи и брака, население Башкирии продолжало жить в основном по традиционному укладу в форме семейной ячейки. Начиная с 1930-х гг. в связи политической и социально-экономической ситуацией в стране, связанной с процессами индустриализации и коллективизации, раскулачивания, репрессий, голода и т.д. наблюдались тенденции демографического спада. А также военная угроза фашизма, нависшая над европейскими государствами, заставила правительство советской страны пересмотреть свою внутреннюю политику. ЦИК и СНК СССР принимает постановление 27 июня 1936 г, внесшее поправки в Кодекс 1926 г. Оно положило начало усложнению бракоразводной процедуры, вновь продемонстрировав формальность равноправия женщины в обществе, особенно в части ее репродуктивного поведения и планирования семьи [18]. Данное постановление было направлено на улучшение демографической ситуации, ухудшавшейся в 1930-е гг. Шла интенсивная переоценка социалистической идеологии. Вводились новые ценностные и моральные принципы. В основе советских законов о браке теперь присутствовала социалистическая мораль. «Так называемая свободная любовь и беспорядочность половой жизни были признаны чуждыми и ничего общего не имеющими ни с социалистическими принципами, ни с этикой и нормами поведения советского человека» – писала Правда в передовой от 28 мая 1936 г. «Брак – дело серьезное, ответственное и легкомысленно относиться к нему нельзя» [1]. В соответствии с постановлением 1936 г. фактические браки лишались правового

статуса, состоящие в такого рода отношениях не обладали никакими юридическими правами. Также была существенно усложнена процедура развода: был введен обязательный вызов обоих разводящихся и мужчину, и женщину в ЗАГС, значительно увеличена государственная пошлина при разводе. Сама процедура стала двухэтапной, то есть дела о разводе рассматривали дважды для того, чтобы супруги имели возможность изменить свое решение и сделать выбор в пользу сохранения семьи [18].

Был введен запрет на производство аборт, участились случаи криминальных аборт и, как следствие, – женская смертность. Советская пресса старалась убедить женщин, как прекрасно иметь много детей (до 10–12), и в тоже время воспитание их было не материнским: абсолютное большинство городских детей росло в детских яслях, садах. Поощрялось государственное воспитание детей. Газетные статьи тех лет пестрили заголовками о подпольных абортариях, например Красная Башкирия, от 20 февраля 1941 г., писала о том, что прокуратурой Ленинского района г. Уфы возбуждено было уголовное дело по обвинению 8 человек в производстве аборт, которые еще начиная с 1936 г. занимались абортпроизводством [15]. Несмотря на преследования, подпольные «абортмахиры» не имели недостатка в желающих ни в городе, ни в сельской местности.

Для того чтобы прекратить легкомысленное отношение к браку и попытки некоторой части отцов переложить воспитание детей исключительно на плечи матерей, постановление 1936 г. гарантировало женщинам-труженице взыскание алиментов с отца ребенка [16]. Был установлен порядок исчисления размера алиментов, взимаемых на содержание несовершеннолетних: 1 ребёнка – 1/4 всех доходов, 2 детей – 1/3, 3 и более детей – 1/2 [18]. Если за уклонение от алиментов отец судом до этого карался до 6 месяцев принудительных работ без лишения свободы, то на основании постановления Президиума Верховного суда от 11 июля 1935 г. при установлении «злостного уклонения» от уплаты алиментов допускалось применять к таким отцам меру наказания в виде заключения их в тюрьму сроком до 6 месяцев. По внесенному в Совнарком РСФСР проекту закона мера наказания за неплатеж алиментов повышалась до лишения свободы не менее 1 года. Прокуратура обязывала районных прокуроров усилить надзор по алиментным делам. Установлен был специальный учет движения алиментных дел [13]. Были введены государственные пособия для многодетных матерей. С 1936 г. по республике стала увеличиваться рождаемость, только в Миякинском районе за 1937 г. родилось 2577 детей, почти в 2 раза больше по сравнению с прошлыми годами [14].

Таким образом, становление законодательной базы советской семейной политики в послеоктябрьский и последующий период 1917–1937 гг., в Башкирской АССР шло путем ломки ментальных особенностей населения. Преследуя цель раскрепостить женщину, особенно «националку», советское государство на законодательном уровне ликвидировало многие религиозные обряды и нормы, регулирующие социальное поведение населения автономной республики. Несмотря на принятые законодательные акты, население, часто обходя закон, продолжало жить по-прежнему. Предоставив вначале некую юридическую свободу в брачных отношениях, законодательная база семейной политики претерпела изменения, сменившиеся на принудительные регламентированные нормы в этой области. Создав образ нового гражданина, не обремененного семейными обязанностями, государство способствовало увеличению процесса расторжения браков, сокращения рождаемости, разрушению семьи. Это заставило его пересмотреть политику по охране семьи, как ячейки социалистического общества.

Литература

1. Бошко В. Понятие брака в советском социалистическом семейном праве // Социалистическая законность. 1939. Январь. С. 55.
2. ГАРФ Ф.Р. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 53 об.
3. ГАРФ. Ф.Р. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.
4. ГАРФ. Ф.Р. 6983. Оп. 1. Д. 207. Л. 11.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917–16 марта 1918 г. М., 1957. С. 247, 337

6. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 314.
7. Десять лет работы партии среди женщин. Уфа, 1927. С. 21
8. Десять лет Советской Башкирии. 1919–1929. Уфа, 1929. С. 39
9. Диспут о браке и семье в Доме союзов (г. Москва) // Еженедельник Советской Юстиции. 1925. № 48–49. 13–20 декабря. С. 1504.
10. Женское движение в Башкортостане 1900–1941. Сб. док. и мат. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2008. С. 81–82.
11. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941 Сб. док. и мат. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2008. С. 98.
12. Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 115.
13. Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 99.
14. Красная Башкирия. 1929. 8 марта.
15. Красная Башкирия. 1935. 24 августа.
16. Красная Башкирия. 1938. 21 июля
17. Красная Башкирия. 1941. 20 февраля.
18. Никольский В. К. Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1936.
19. Резолюции 1 Всебашкирского съезда женской молодежи // Постановление 1 Всебашкирского съезда женской молодежи. Уфа, 1936. С. 16.
20. Сулейманова Р. Н. Развитие брачно-семейных отношений и положение женщины в 20–30-х годах XX века в Башкортостане // Вестник ВЭГУ. № 31/32. Серия История. 2007. С. 164
21. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 151. Л. 50–50 об.
22. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 151. Л. 28.
23. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 24. Л. 231.
24. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 151. Л. 11 об.
25. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 171. Л. 25.
26. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 173. Л. 15–16
27. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 177. Л. 34.
28. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 186. Л. 50 об.
29. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 176. Л. 15. об.
30. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 199. Л. 25 об.
31. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 28–34
32. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 209. Л. 57
33. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 162. Л. 29.
34. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 138. Л. 362.
35. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 136. Л. 26.
36. ЦАОО РБ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 130. Л. 85.
37. ЦАОО РБ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 203. Л. 85
38. ЦИА РБ. Ф. Р. 323. Оп. 1. Д. 202. Л. 6.